

**ПОБЕДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ -
ВЕЛИЧАЙШИЙ НАРОДНЫЙ ПОДВИГ**

Победа в Великой Отечественной войне – величайший народный подвиг: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (18-19 апреля 2005 г.). Псков. 2005. 280 с.

Редакционная коллегия:

А.А.Андреев, В.А.Дмитриев, В.Н.Лещиков, С.В.Лукиянова, А.Г.Разумовская, А.В.Филимонов (отв. редактор), Л.А.Холод

Технический редактор А.А.Кирсанов

В сборнике представлены тексты докладов и сообщений научно-практической конференции, в которых освещаются эпизоды боевых действий 1941-1945 гг., вопросы народной войны в тылу вражеских войск, отражения событий войны в литературе и языке, обобщается опыт военно-патриотического воспитания школ, поисковых объединений и школьных музеев.

573431

ISBN 5-87854-360-5

© Псковский государственный педагогический университет им. С.М.Кирова (ПГПУ им. С.М.Кирова), 2005

Тема памяти в повести В. Быкова «Обелиск»

Обращаясь к повести Василя Быкова «Обелиск», замечу, что, конечно, двадцать послевоенных лет – срок немалый и его объективно, как оказалось, вполне хватило жителям Сельца, чтобы уже не вспоминать местного школьного учителя Алеся Ивановича Мороза. «Сидим, идем в Сельце, и никто не вспомнит Мороза! Которого здесь должен видеть каждый...»¹. И Тимофей Титович Ткачук (тоже работавший учителем в здешней школе) прав, обращаясь с этими жесткими, обвинительными словами к односельчанам, забывшим того, кто был для них сама честь и совесть. Кто жил для других, не думая о себе, к кому обращались за советом и помощью, с кем так считались, что и в войну, во время фашистской оккупации, по-прежнему шли с плохим и с хорошим. Не выдерживает Ткачук, и, слушая речь заведующего районо Ксентова, срывается на крик за поминальным столом по Павлику, Павлу Ивановичу Миклашевичу, ученику Алеся Мороза: «Почему не вспомните про Мороза?.. Это Мороза надо благодарить за Миклашевича! Он из него человека сделал!» (13).

Горькую повесть написал Василь Быков, на протяжении стольких лет не оставляющую меня заключенной в ней душевной болью... Возможно, не самая художественно выразительная, она, на мой взгляд, одна из самых сильных у писателя. Что делает её таковой? То, что, собственно, всегда отличало произведения писателя – мысль, глубоко прочувствованная и вполне осознанная, и нравственные выводы².

Будучи человеком, исповедующим этический максимализм, Быков строил свои повести по принципу окончательности: в финале не должно было оставаться никакой неясности, невыясненности. Конец означенывался расставлением всех точек над «і». Подобное можно наблюдать и в «Обелиске»: никаких полутонов и какой-либо неопреде-

ленности, недоговоренности, сильная и уверенная мысль о нравственном запрете на забвение человеческой жизни, тем более жизни, отданной другим людям.

Василь Быков не был верующим человеком. Выступая в 1984 году в Ленинградском Доме журналиста, на вопрос о христианских мотивах в фильме «Восхождение», снятом Л. Шепитько по повести «Сотников», он ответил, что фильма они не испортили, но он, вообще-то, писал не о Христе. Его задача была скромнее. «Я слишком много видел мертвых тел, чтобы поверить в Бога», - сказал Василь Быков³. И все же думая о Морозе, я не побоюсь назвать его «евангельским человеком», приобщенным к великой Христовой жертве – полному самоотречению, вылившемуся в самозабвенную любовь к детям. Правильно сказал Ткачук, что «учили и другие не хуже Мороза», но в нем было особое, редкое качество: учитель не по профессии, а по призванию, по духовному влечению. Возможно, кому-то и трудно это понять, но только не ученикам такого учителя. Это могли знать мальчики-кадеты, герои повести Н.С. Лескова «Кадетский монастырь», по прошествию лет целовавшие руки любимому «старому Бобру». Знали это и пятеро мальчиков, погибших вместе со своим учителем. Как, должно быть, удивились бы они, не увидев рядом с их именами на обелиске его имени. Знал цену Алесю Ивановичу и Павлик Миклашевич, собственное сердце отдавший за честь и достоинство умершего учителя. И в этой ситуации Быков с присущим ему нравственным максимализмом не может не продолжить лесковскую мысль о праведных людях, «которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него где бы то и было...»⁴ Но мы-то, – словно говорит писатель, – люди, не лишённые совести, видящие, ощущающие это добро, почему мы забываем о нем, а главное, о тех, кто его бескорыстно творил? Ведь если ими платится такая высокая цена на свое праведничество (какую заплатили Мороз, Сотников и многие другие), то какое мы имеем моральное право его не помнить? Люди, что же с нами со всеми стало?!

Наверно, именно максимализм Быкова давал ему силы мужественно ставить «последние вопросы». И действительно, что может еще стоять после человеческой неблагодарности, равнодушия и – как следствия – неминуемой подлости...

Василь Быков всю жизнь писал о войне, от первой его повести «Журавлиный крик» до последней «Болото»; от изруганных советской прессой «Мертвым не больно» до удостоенного в начале перестройки

Ленинской премии «Знака беды»; от «Его батальона» до «Сотникова» писатель создавал одну и ту же ситуацию – военную. Он умер в день начала войны – 22 июня 2003 года. С утра сказал: «Сегодня я уйду...». Весь день вспоминал про войну. Вечером умер⁵. Вернулся к своим фронтовым товарищам, которым он лично был обязан тем, что остался жив.

Но вот что важно: ни разу не отошедший в своих произведениях от военных обстоятельств, Быков всегда соотносил их с условиями человеческого существования вообще⁶ и, таким образом, писал о нас с вами и о нашей жизни. Вот почему его повести попадали в самый центр споров о прошлом и настоящем и продолжают тревожить душу каждого мыслящего человека трудным и необходимым разговором о смысле вековечных ценностей. Несомненно, «Обелиск» - это прямое обращение в сегодня. Мы сегодня себя поверяем войной, памятью, совестью тех лет. Помни, знай, не очерствей, не обленись, не допусти! Не солги! Не предай, не смалодушничай, не покриви душой! Эти близкие евангельские заповеди стучат в наши сердца пеплом погибших – *во имя других* – героев Василя Быкова.

Почти сразу после выхода «Обелиска» исследователями был определен широкий спектр его проблем, сфокусированных, по их мнению, в утверждении идеи преемственности добра и нравственности. Дескать, щедро посеянные зерна справедливости, благородства, подвизничества не пропадают, рано или поздно они прорастут, дадут всходы. Однако, думается, оптимистический пафос «Обелиска» несколько преувеличен.

В центре повести драматическая судьба учителя-праведника, отраженная в двух временных конфликтах. Первый связан с послевоенным спором о том, должна ли быть на обелиске к пяти фамилиям казненных фашистами школьников добавлена шестая – учителя Мороза, разделившего по своей воле их страшную участь. Основу второго составил авторский нравственный императив – запрет на забвение человеческой жизни, обращенный к живущим в семидесятые годы прошлого века и протягивающийся к нам, сегодняшним. Противостояние авторского «помни» людской забывчивости и равнодушию по отношению к живущим для других проходит через всё произведение и вместе с тем «перерастает» его, выходит за границы рассказанной истории, привнося в повествование дополнительные – философские – смыслы, связанные с размышлениями автора о земной человеческой жизни и вековечных проблемах бытия. И эти размышления еще более обостряли и накаляли историю судьбы Мороза.

Философский извод «Обелиска» сконцентрирован в картине, сменя-

ющей сюжетную завязку повести, когда, узнав о смерти Миклашевича, рассказчик решает ехать в Сельцо на его похороны. Сидя в кузове оставленной им попутной машины, он смотрел на раскинувшуюся по обе стороны дороги пейзажную картину.

Безмятежно и умиротворенно было все в окружающем мире природы: она «полнилась мирным покоем погожей осени» (7), исходящим от «спокойной прозрачности дали... вольного простора... опустевших полей» (6).

Однако рассказчика окружавшая его «умиротворяющая благодать природы» «угнетала и злила». Наверно потому, что на фоне природной жизни, не ведающей необратимых утрат, пребывающей в равнодушном покое к горю, бедам и страданиям в мире людей, еще более обострялись мысли об оборвавшейся жизни, об ушедшем навсегда человеке, о безразличии вечного к временному. И действительно, «погожая осень» роскошествовала избытком красок, плодов бабьего лета. Все вокруг говорило о жизни, неутомимо двигалось: и пасущееся стадо подтелков, и трактор, пахущий землю под зябь, и «деревенские теткли», выбирающие картофель. А Павла Ивановича Миклашевича не стало.

Обращенный лицом к вечности и бесконечности природного мира, рассказчик предстает переживающим метафизический катарсис, приводящий его к осознанию краткости «отпущенных тебе лет» и, стало быть, обостренному пониманию необходимости осмысленной жизни на земле, ответственности за каждый её год, день, миг, способности заполнять их добротой и заботой о других. Такую жизнь проживут Мороз и Миклашевич, стоящими на пороге её открытия отойдут в небытие пятеро мальчиков, справедливость и значимость этой жизни постигнет постаревший Ткачук, останется глухим и незрячим в отношении к ней заврайоно Ксендзов.

Тема памяти в контексте вечности и конечности бытия полногласно звучит в «Обелиске» в разговоре Мороза с учениками накануне казни, ставшем попыткой учителя в обращении к таким понятиям, как жизнь, смерть, вечность, память, отыскать необходимые слова, после которых им не так страшно будет умирать. Он «говорил, что жизнь человеческая очень несоразмерна с вечностью» и пятнадцать лет или шестьдесят – всё не более чем мгновение перед лицом вечности. Ещё говорил, что тысячи людей в том же Сельце рождались, жили, отошли в небытие, и никто их не знает и не помнит никаких следов их существования. А вот их будут помнить, и уже это должно быть для

них высшей наградой – самой высокой из всех возможных в мире награда (67).

Так вот откуда у Павла Ивановича Миклашевича знание быстротекущего времени человеческой жизни! И понимание того, что её нужно помнить, тогда Алесь Иванович с ребятами не уйдут безвозвратно. В это верил сам учитель, потому оставшийся в живых ученик не мог допустить, чтобы не сбылась вера его учителя. И уже сам, обреченный на скорый уход, он продолжал всеми оставшимися у него силами осмысливать дорогих ему людей из плена душевной черствости – «матери» забвения. Хотя, справедливости ради сказать, услышанное от Мороза тогда, в амбаре, «все-таки мало их утешало». Гораздо важнее было то, что «рядом был их учитель, их всегдашний Алесь Иванович». И в то же самое время «они бы многое, наверно, дали, чтобы он... спасся» (67).

В военном мире Быкова дети – не только ясная и безупречная чистая мера всему, но и испытание и решающий вопрос воюющему человеку. В «Обелиске» испытание и решающий вопрос предпосланы учителю! И он принял их с сознанием ответственности за детей, которые были с ним единым целым.

Алесь Иванович не посылал ребят на безрассудную диверсию, но всё равно считал себя ответственным за них – перед родителями, перед общественным мнением, перед совестью.

Он отдал себя в руки полицаяв, обещавших за сдачу самого учителя выпустить его учеников, зная, что они никогда этого не сделают. Но не только страдания детей явились причиной поступка героя Быкова. Для Мороза поступить иначе значило бы совершить предательство по отношению к ребятам, ибо в том, что они сделали, *какими стали*, есть частица самого Мороза. В учениках Алеся Ивановича жил дух учителя. Поэтому его вина – его победа.

Можем ли мы сказать, что Мороз сделал свой выбор, отдав себя в руки врагу? Я думаю, нет, потому что для него выбора как такового не существовало. Он сделал его еще тогда, когда в Сельце школу открыл и в первый раз в глаза учеников посмотрел. К полицаям же пошел, потому что был учителем и, по словам Ткачука, «настоящим человеком». Таким Мороз остался до конца.

Однако Ксендзов непреклонен в отстаивании собственной позиции: «Ну что, защитил он кого? О Миклашевиче говорить не будем – Миклашевич случайно остался в живых, он не в счет. Я сам когда-то занимался этим делом и, знаете, особого подвига за этим Морозом не

вижу» (74). Но потому и не видит, что «близорукий». А для Ткачука очевидно значение поступка Мороза, потому что он знал сельского учителя Миклашевича. И мог наблюдать, как и после смерти учитель продолжает укреплять душевные силы оставшегося в живых ученика, чтобы тот «победил», «добился своего» в борьбе с Ксендзовым.

Не прав заврайоно, утверждавший, что «Миклашевич случайно остался в живых». Ему свою жизнь завещал Мороз. А Миклашевич, больной, в тридцать четыре года превратившийся в старика, пока жил, всеми силами не давал забыть учителя.

И тем не менее его забыли. Несмотря на категоричность этого утверждения Ткачука, Ксендзов, как ни странно, его поддержал: «Ну пусть забыли. Забыли, потому что были другие дела...»(74). Действительно, «других дел» за двадцать послевоенных лет было сделано много. Их знал, видел и Миклашевич. Однако перед его глазами стоял Алесь Иванович, когда он говорил, что «тысячи людей в том же Сельце... отошли в небытие ... А вот их будут помнить» (67). Избитых до бесчувствия, не стоящих на ногах, но не словившихся под пытками шестерых мальчиков. Правда, они тогда не об этом думали, а о Морозе: «Вот бы остался учитель жить!» - и своей заботой о другом были похожи на своего учителя.

Как я уже говорила, критики, писавшие об «Обелиске», усматривали в повести мысль автора о щедро посеянных зернах справедливости, благородства, подвижничества, которые рано или поздно прорастут, дадут всходы.

Несомненно, основания говорить об этой идее преэминентности в «Обелиске» имеются. В учениках Мороза проросли хорошие «зерна», посеянные их учителем! Однако главным подтверждением этому является Павел Иванович Миклашевич, всей своей жизнью доказавший, что он и есть продолжение духа Мороза.

Но что же дальше? Мальчики погибли, Павлик Миклашевич умер. Что осталось на земле от их учителя? Ничего. Он ушел вместе с ними. Можно, конечно, надеяться вместе с Ткачуком на то, что «что-то там... останется» от Миклашевича, а следовательно, и от Мороза. «Не может не остаться», - горячится Ткачук. - «Такое не пропадает. Прорастет. Через год, пять, десять, а что-то проклюнется» (17). Однако история с забвением Мороза не вселяет уверенности в то, что в Сельце долго будут помнить Миклашевича. Нет, как ни горько признаться, но в повести билась другая, прямо противоположная мысль: о беспамятстве людей,

о том, как быстро и легко забывается все доброе, сделанное во имя другого человека. Вот почему непомерная горечь и сердечная боль заключена в финале повести.

Мы видим пожилого, нездорового Ткачука, захлебывающегося от гнева, а главное, от бессилия что-либо доказать Ксендзову относительно поступка Мороза. Он кричит «глухарю» чиновнику о том, что не успокоится и молчать не будет: «Черта с два! Пока я живой, я не перестану доказывать, что такое Мороз! Вдолблю в самые глухие уши...» (75). Но, пожалуй, самое угнетающее «пятно» в финале – это даже не Ксендзов, с ним-то как раз все понятно, а *молчащий* – на протяжении всей тяжелой сцены спора Ткачука и заврайоно – *журналист*, казалось, так много осознавший за день похорон Павла Ивановича Миклашевича и в себе, и в жизни, её мгновности перед лицом вечности, и в смерти, и в памяти... что не должен он был молчать в этом споре!

А машина тем временем неслась на хорошей скорости по пустынной ночной дороге – вперед, к городу. И только асфальт рвался из-под колес назад, увлекая за собой и дорогу вспять, в прошлое, о котором рассказывал обелиск с шестью именами на черной металлической табличке. И вспоминается другой финал – в одноименном фильме по повести «Обелиск».

На экране были Мороз и мальчики, идущие по дороге со связанными руками. Хромой учитель, не удержавшись на ногах, падал. И мальчики, подставляя плечи, помогали ему подняться. Так они и замерли перед нами в последнем кадре: учитель в окружении своих учеников, поддерживающих его своими худенькими плечами.

Примечания

1. Быков В. Обелиск. – М.: Молодая гвардия, 1985. – С.13. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц.
2. Назарев Л. Высший кодекс человечности. Заметки о повестях Василя Быкова // Литература в школе.-1978.-№1.- С. 24.
3. См. об этом : Елесеев Н. Его батальон // Эксперт Северо-Запад. – 2003. - № 25. – С. 29.
4. Лесков Н.С. Человек на часах // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11-ти т. – М., 1958. – Т.8. – С.173.
5. Елесеев Н. Его батальон. – С. 29.
6. Там же. - С. 28.